

Глеб Запальский

Московский государственный университета (Москва, Россия)

Е. Е. Голубинский о русском монашестве

Судьба второго тома «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинского поистине многострадална. Первая половина этого тома увидела свет спустя двадцатилетие после первого тома, так что автор признавался: «Промежуток годов такой, что, быв во время печатания первого тома человеком зрелых лет, печатаю второй том седым стариком»¹. Вторая половина второго тома создавалась в первой половине 1880-х гг., но, не видя перспектив издания, Голубинский отложил работу в стол, не доведя ее до конца. В 1904 г., в то время когда внешние условия стали благоприятствовать историку, он вернулся к подготовке этой книги к печати, но вновь был вынужден прервать работу, «увидев свое старческое бессилие».

Дальнейшие труды легли на плечи его ученика С. А. Белокурова. В 1917 г. он опубликовал вторую половину второго тома в составе глав 3, 4 и 5, посвященных управлению Русской церкви, просвещению и богослужению в XIII-XVI вв. Остались неизданными главы о монашестве; о ересь, отношении Русской церкви к латинству и другим неправославным учениям и пр.; о вере, нравственности и религиозности народа. Эти главы не были доведены Голубинским до конца, но 6-я глава «Монашество» оказалась наиболее близка к завершению (некоторые следы незавершенности заметны в ней до сих пор, в частности раздел о средствах содержания монастырей и их землевладении представляет собой лишь план-конспект²). Ее успели отдать в набор, сохранились гранки начала главы, причем номера страниц в них продолжали нумерацию в опубликованной второй половине второго тома. Однако революционное лихолетье отложило публикацию главы еще на век.

Историк А. В. Карташев сетовал: «Пока все здание Истории Церкви Голубинского является незаконченным к великому ущербу нашей науки. Будто средневековый собор с одной недостроенной башней»³. Можно сказать, что теперь эта башня наконец предстает перед читателем.

¹ Голубинский, Е. Е. (1900), История Русской Церкви. Т. II. Первая половина тома. Москва, с. V.

² Впрочем, тема землевладений и споров иосифлян с нестяжателями довольно подробно освещена в первой половине тома. См.: Там же, с. 624-665, 691-695, 704-707, 795-800.

³ Карташев, А. В. (1992), Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Москва, с. 35.

Глава о монашестве охватывает 1237-1563 гг. — первую часть второго (московского) периода истории Русской церкви, выделяемого Голубинским. Вторая дата вызывает удивление, она явно не имеет рубежного значения в истории монашества. Но эта дата определена автором не только для данной главы, а для всей его периодизации истории Русской церкви, которая выглядит весьма оригинально на фоне предыдущих и последующих опытов. В основу положен «топографический» принцип — по главным городам: Киеву, Москве и Санкт-Петербургу. Внутренний рубеж московского периода, делящий его на две части, — не 1448 и не 1589 г., а время митрополита Макария и Стоглавого собора, когда, по словам Голубинского, был подведен итог предшествующей жизни Церкви. При этом в качестве конкретного рубежного года избран не 1551-й, когда состоялся Стоглавый собор, а 1563-й — год смерти митрополита Макария.

Своеобразие этого периода в истории монашества исследователь видит в резком умножении числа монастырей, особенно с середины XIV в. (хотя он обращает внимание на то, что населенность большинства из них монахами была крайне низкой); в их распространении преимущественно не в городах или рядом с ними, а в пустынях (автор в отличие от В. О. Ключевского сознательно отказывается связывать это с колонизацией, т.к. иноки вовсе не ставили перед собой такую задачу); в том, что обитатели созидались не только ктиторами, распоряжавшимися ими как собственностью, но и во многих случаях самими монахами без первоначальных вкладов; в широком распространении общежительного устава (автор часто использует введенный им термин «общинножитие»), хотя и часто применяемого в ослабленной, нестрогой форме; в распространении умного делания; во вмешательстве великих князей в назначение игуменов в XV-XVI вв. и пр.

Автор стремится всесторонне осветить жизнь монашествующих в ее типических социальных проявлениях. В целом Голубинский крайне низко, неудовлетворительно оценивает образовательный, нравственный и религиозный уровень монахов (и вообще людей изучаемой эпохи), основываясь прежде всего на материалах Стоглавого собора, а также на других свидетельствах. В этой критике он превосходит и своих предшественников, и многих последователей. В то же время историк признает период с середины XIV по середину XVI в. эпохой «сравнительного процветания» монашества — но только относительно других периодов. Это процветание он ставит в заслугу прославленным Церковью святым, в особенности преподобным Сергию Радонежскому, Кириллу Белозерскому и Иосифу Волоцкому. Их он показывает как выдающихся подвижников, как бы превзошедших свое время.

В первом томе «Истории Русской Церкви», рассматривая домонгольское монашество, Голубинский использует такую же контрастную схему, выделяя на общем сумрачном фоне преподобного Феодосия Печерского. Между ним и Сергием Радонежским нередко проводятся параллели как между учре-

дителями истинного, общежительного монашества, «радикальными реформаторами». Что касается Кирилла Белозерского и Иосифа Волоцкого, то они сделали выбор в пользу общежития совершенно строгого, без послаблений. Анализируя отдельные упоминания в житии преподобного Кирилла, историк также утверждает, что именно этот святой (а не его ученик Нил Сорский, как часто считается) ввел в русскую монашескую традицию практику умного делания. А Иосиф Волоцкий явился ученым апологетом иноческой жизни, создателем устава истинного монашества.

При всем своем критицизме Голубинский не подвергает сомнению сюжеты о посещении великим князем Дмитрием Донским преподобного Сергия перед Куликовской битвой, об участии в сражении монахов Пересвета и Осляби (хотя среди последующих историков нашлись те, кто посчитал эти истории литературным мифом). Говоря о Сергии Радонежском, Евгений Евсигнеевич порой возвышает свой слог до религиозной лексики, называет его «истинным сосудом Божиим», «великим подвижником», удостоившимся чудесных знамений и дара чудотворения. С другой стороны, иногда в религиозную лексику довольно грубо вторгаются современные светские смыслы. К примеру, автор повествует, что жизнь в пустыне полна «благословенной и Божией прелести». Чувствуя неудачность использования негативного понятия «прелесть», взятого из святоотеческого лексикона, в современном романтическом смысле, он оговаривается: «если можно и позволительно так выразиться».

Возвышенное отношение к преподобным Сергию и Кириллу не мешает историку прийти к выводу, что их агиографы Епифаний Премудрый и Пахомий Серб изобразили индивидуальный нравственный облик святых довольно «тускло», общими фразами. Еще в первом томе своей «Истории» Голубинский, сетуя на бедность источников, бросает преувеличенно громкую фразу: «На всем пространстве до-петровской церковной истории выступает перед нами как живой до некоторой степени человек только патр. Никон <...>, а все остальные суть совершенно безличные тени и тени и просто ярлыки на пустых местах»⁴.

В отличие от других исследователей, Голубинский уделяет большое внимание особенножительным монастырям, а также так называемым «ненастоящим монастырям»: монастырькам или монашеским слободкам, кельям при приходских церквях и на погостах, упоминаемым в новгородских писцовых книгах и в некоторых других источниках XV-XVI в. Более того, противопоставляя монастырьки собственно монастырям и рассматривая первые как древнейшую, начальную форму, заимствованную у греков, историк был уверен, что с них должно было начаться и домонгольское монашество. Сейчас такая историческая ретроспекция, не опирающаяся на ранние источники, выглядит не слишком убедительно. Кроме того, исследователь обращает

⁴ Голубинский, Е. Е. (1913), О реформе в быте Русской Церкви. Москва, с. 29.

внимание на живших в миру «безмонастырных монахов». Все эти практики он рассматривает как разные степени отступления от истинного монашества, облегчения строгих монашеских принципов вплоть до полного смешения с мирским сообществом.

Голубинский охотно дает психологические оценки инокам прошедших эпох. Так, переход от городских монастырей к пустынным и от особножития к общежитию он связывает с наступлением относительной зрелости русского монашества, осознанием лучшими иноками, что «монашествование в миру не есть настоящее монашество» и что особножитие — «не жизнь, а житьишко». Умножение числа обителей в XIV-XVI вв. объясняет не только духовной ревностью учеников и последователей Сергия Радонежского, но и возникшей вслед за ней и прикрывающейся ею страстью славолубия, честолюбия, властолюбия и корыстолюбия. Противоречие между житием Кирилла Белозерского, где говорится о его отказе приобретать села для монастыря, и различными грамотами, свидетельствующими о том, что такие приобретения при нем происходили, исследователь комментирует: «<...> преп. Кирилл по своим убеждениям и мыслям был нестяжатель или противник вотчинновладения монастырей, <...> если он приобретал монастырю села, то уступая только настоятельным желаниям в сем отношении большинства своей братии, <...> меньшинство братии Кириллова монастыря <...> хотело представить его (Кирилла) в житии на самом деле тем, чем быть он только хотел бы».

Как признается Голубинский, «в некоторых случаях историк волей-неволей становится отчасти публицистом»⁵. Его общий взгляд на историю монашества можно видеть, в частности, в статье «Благие желания относительно Русской Церкви»: «Монашество явилось в христианской церкви таким образом, что люди, желавшие совершенно отрешиться от этой жизни и исключительно заботиться о той, ушли из мира в пустыни, чтобы там проводить время в подвигах духовных и телесных. <...> Так это и было в первое, весьма недолгое, время монашества. Но потом монашество из истинного стало не совершенно истинным: под предлогом того, что заботы о средствах жизни мешают подвигам монашеским, <...> монахи возложили заботы о средствах своего содержания на мирское общество. По примеру церкви, монахи начали искать себе приложения добровольных пожертвований именами и деньгами и, употребив энергические усилия дать желаемое настроение образу мыслей мирян, успели, наконец, достигнуть того, чтобы направить их жертвы исключительно к себе <...>»⁶. Бросается в глаза, что взгляд этот вполне соответствует концепции Петра I, изложенной, например, в «Объявлении, когда и какой ради вины начался чин монашеский и каков был образ жития монахов древних и како нынешних исправить, хотя по не-

⁵ Там же. Вторая половина тома. Москва, 1904, с. VIII.

⁶ Голубинский, Е. Е. (1913), О реформе в быте Русской Церкви. Москва, с. 29.

корму древним подобию надлежит» от 31 января 1724 г. (данный документ, кстати, цитируется в настоящей главе).

Очевидно, что Евгений Евсигнеевич был близок и к современной ему критической публицистике, рассматривавшей монастыри как «потребителей народных пожертвований», которые должны находиться под общественным контролем, обвинявшей рядовое монашество в безудержном обогащении, а ученое монашество — в узурпации всей власти в Церкви, карьеризме и пр.

Изучая средневековое монашество, Голубинский нередко проводит параллели и сравнения с современным ему иночеством. Причем современное монашество он считает если не лучше, то «значительно приличнее» средневекового в своей массе, если не брать в расчет святых (как и вообще петербургский период он ставил выше киевского и московского). Монахи стали просвещеннее, ушли в прошлое такие пагубные явления, как принадлежащие обителям сёла, ктиторство богатых и знатных мирян, смешанные мужско-женские обители, насильственные пострижения и т.д.

В отличие от многих критиков — от Петра I до Д.И. Ростиславова — Голубинский отвергает мнение, что монахи должны служить миру, приносить практическую пользу и тем оправдывать свое существование. «Есть множество людей, которые строго порицают наше монашество за его бесполезность для мира», — пишет он. Они «были бы правы, если бы дело основывалось не на недоразумении <...>. В монахи идут не для служения миру, а для отрешенного от мира спасения своих душ: какое же право спрашивать того, что вовсе не обещается?»⁷

И, что важно, при всем своем реализме и критицизме Голубинский оставался глубоко верующим человеком, почитателем монашества как «нарочитого и исключительного подвига служения Богу» и преподобных подвижников, реализовавших этот идеал в своей жизни. Недаром ученый завещал положить ему на похоронах под голову его книгу «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра».

В заключение остается ответить на напрашивающийся вопрос о том, каково значение публикуемой главы в наши дни. Конечно, она отражает уровень знаний конца XIX в. (хотя в ней попадаются ссылки на работы 1900-х гг. и даже 1914 г., вставленные Белокуровым) и отталкивается прежде всего от созданной несколько ранее одноименной «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), в которой тоже представлены обширные главы о монастырях XIII-XVI вв.⁸ Некоторые утверждения, встречающиеся в тексте Голубинского, были пересмотрены им же в иных его произведениях. В частности, это касается датировки всех основных событий жизни Сергия Радонежского начиная с даты рождения. Если в главе «Монашество» она

⁷ Голубинский, Е. Е. (1904), История Русской Церкви. Т. I. Вторая половина тома, с. 726-728.

⁸ Макарий (Булгаков), митрополит (1995), История Русской Церкви. Кн. 3. Москва, с. 101-142; (1996). Кн. 4. Ч. 1. Москва, с. 201-267.

определяется около 1324 г., то в книге «Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра» (Сергиевский посад, 1392), где вся датировка разбирается гораздо подробнее и тщательнее, историк высказывается в пользу 1314 г. Кстати, в публикуемом тексте главы можно обнаружить ссылки на упомянутую книгу, проставленные Белокуровым, но исправлять фактические данные в тексте автора издатель, видимо, не решился.

За истекшие после написания этой главы десятилетия другими авторами были написаны многие новые исследования, в т.ч. обобщающие, по истории монашества XIII-XVI вв.⁹, введены в научный оборот новые источники, уточнены некоторые факты (например, о времени основания Валаамского монастыря), выдвинуты новые концепции (например, о влиянии идей исихазма на русское монашество). Однако публикуемая впервые работа Голубинского о монашестве не только дает более полное представление о творчестве автора. Его неповторимый стиль, дотошный источниковедческий анализ (с массой примеров, приведенных в примечаниях, с сопоставлениями с греческой традицией), широкий взгляд на разные эпохи истории России делают знакомство с этим текстом полезным для всех интересующихся средневековым русским монашеством.

⁹ См., например: Федотов Г.П. (1931) Святые Древней Руси. Париж; Смолич И. К. (1997) Русское монашество. 988-1917. Жизнь и учение старцев. Москва; Сеницына Н. В. (2000). Русское монашество и монастыри. X-XVII вв. [в.] Православная энциклопедия. Москва. Т. Русская Православная Церковь. с. 305-324; Монашество и монастыри в России, XI-XX века: Исторические очерки. Москва, 2005.